

Ровесники века

1. Когда пригодилась брендовая рубашка

- Э, Жень, ты чё, в этом собираешься в школу? – Леночка поймала меня за рукав, пробегая мимо с какими-то белыми лентами, укоризненно сверкнула глазами и понеслась дальше – прихорашивать дочку-первоклассницу. Я притормозил у коридорного зеркала: ну, да, в полосатой вытянутой толстовке было бы привычнее, чем в бордовой классической рубашке из трендового бутика...

- Учительский дресс-код. Что не так-то? М?

- Тебя все училки там за эту рубаху сожрут, когда прикинут, сколько она стоит, - жена истерично хихикнула из комнаты.

- Так дорого что ли? – я всё ещё недоумевал... Какая разница... Леночка пфыкнула, наверно, пыталась собрать в прическу непослушные Викины волосы. На тумбочке стоял нечеловеческих размеров букет из цветочного салона. Маленькой ученице, пожалуй, его одной не утащить. Лишь бы в машину влез...

Оставалось только вздохнуть и выйти.

В саду спокойнее. Розы пахнут шоколадной горькой свежестью, как будто сунул нос в коробку с новогодним подарком. Астры и гладиолусы, как вспененные мазки на полотне импрессиониста... Цветочный взрыв, хаос, беспредел. Зачем нужно было заказывать букет в салоне?

Из дома выпорхнула Вика. Банты, как крылья у только что оперившегося ангела.

- Папа, поехали, опоздаем!

Два года, как мы с Леночкой вместе. И Викино радостно-капризное «папа» больше не вызывает желания убежать и спрятаться. Папа, так папа. А то кто же ещё. Вику взяли в элитную гимназию только потому, что я согласился стать там учителем... Раньше, когда я в ней учился, это была обычная школа.

Леночка несла букет, будто символ своей успешной жизни, - вызывающе и напряженно. Зацокала по плитке тонкими высокими шпильками. На улице ждала машина, похожая на понурое покорное животное. Правда что ли, я теперь учитель... Офигеть.

Первоклашки стояли на линейке вместе с одиннадцатиклассниками. Не школьный двор, а лесные ярусы – деревья и кустарники... Нашёл глазами Вику. У неё отсутствующее лицо. О чём она сейчас думает? О чём думал маленький я в неровном строю нарядных одноклассников? Мне тогда хотелось, чтобы это всё побыстрее прекратилось, чтобы можно было пойти домой, снять неудобную школьную одежду и влезть во что-нибудь летнее, привычное. А сейчас я о чем думаю? Линейка началась с минуты молчания в память о Беслане. И я только что думал о том, что делать, если вдруг рванёт и застрекочут пулеметные очереди. Как половчее схватить Леночку, допрыгнуть до Вики и бежать, петляя, за угол, чтобы не расстреляли в спину. Там залечь, чтобы оценить ситуацию, есть ли снайперские точки... Блин, Жека, какие снайперские точки! Ясное пронзительное небо, красивые, торжественные дети с цветами, о чём я вообще...

- Евгений Вячеславович, - подошла со спины завуч, - у нас рокировки небольшие произошли. Вам девять часов только накроили, да Вам и не надо больше, правда? Полставки, уверенные полставки, опыта наберётесь, категорию поднимите... Зато классное руководство. Это железно, да. Но у восьмого «А»...

- А?! – как-то совсем по-детски вырвалось – почему «А»? Восьмой?

- А что делать, голубчик. Никто их брать не хочет. Неуправляемые. На Вас одна надежда. Может Вы, как мужчина... Эх, - завуч безнадежно махнула рукой и отошла.

Восьмой «А» класс... Легендарный и дикий... Если послушать разговоры в учительской, там сплошь бандиты, раздолбаи, аутисты и мажоры, которые ни в какие ворота не лезут, бунтуют и выбиваются из всех рамок. От них без оглядки сбежали две молодые учительницы, поклявшись больше никогда не пересекать порога школы. Так вот, зачем понадобился я...

Из всех классов в коридор шёл равномерный гул, будто внутри огромного улья. Урок России, да? Гул из моего класса ничем не выделялся. Такой же монотно-скучный. Первый шаг... Думал, будет страшнее – как шагнуть из вертушки в качающуюся бездну, забыв подумать, раскроется или нет на этот раз парашют. Нет, обыденно и неинтересно. Просто отпихнул полуоткрытую дверь и вошел. Гул не прекратился. Подростки стояли в проходах, сидели на партах. Кто-то повернулся ко мне, кто-то нет. Как мне их запоминать, вообще? Ждут окрика, команды занять свои места.

- Привет, ребята! Не надо рассаживаться. Помогите лучше сдвинуть все парты к стене, - я поймал удивление, внимание, интерес на некоторых лицах и пояснил – будем с вами знакомиться.

- Меня зовут Евгений Вячеславович Сафронов, я, как ни странно, буду вашим классным руководителем. Ну и биологию у вас вести тоже буду я, - заявил им, когда все обескуражено расселись на поставленные широким кругом стулья.

- Как клуб анонимных алкоголиков..., - буркнул сидевший напротив меня высокий, крепкий парень с длинной светлой чёлкой, зачесанной набок. Он растопырил и вытянул вперёд длинные ноги так далеко, как только мог.

- Не знаю, не доводилось бывать в таких клубах, - я усмехнулся, некоторые ребята довольно захихикали. – Вы все друг друга знаете, а я нет. Раз нам придется работать вместе, то хотелось бы познакомиться.

- Да ну нафиг! – фыркнул подросток в ярких кроссовках с роликовым колёсиком на подошве, в руках он нервно вертел несуразную лопату модного смартфона.

- Предлагаю каждому по очереди сказать о себе пару предложений. Интересных. Таких, чтобы с вами захотелось познакомиться, - я его проигнорировал, и он повторил снова:

- Да ну нафиг!

- В конце я отвечу на один ваш вопрос. Любой. Какой только сможете придумать.

- Да ну нафиг!

- Завались, Влад! Идёт! – поддержал меня блондин с чёлкой. Непонятная игра их заинтересовала, и они надеялись у меня выиграть.

– Я всё сначала разбираю, потом собираю заново. Ничего в итоге не работает, но приколы не в этом. Это про людей тоже. Люблю, как пахнет краской. Ненавижу веревки на шее и галстуки.

- Интересно. Как мне тебя запомнить? Назовись, - я скорчил такую серьёзную морду, какой у меня отродясь не бывало.

- Андрей. Не апостол. Впрочем, кто знает, - бросил парень. Вокруг молчали, придумывали, что же говорить им, когда дойдет очередь.

- Ненавижу людей, потому что они быдло из падика. И их всех можно купить за деньги. И нищих учителей. Они нас учат жизни, а сами никто, нищоброды, отыгрываются на нас, - бросил Влад, шаркнул неловко кроссовкой с роликом, чуть не выронил смартфон и едва не свалился со стула.

- И тебя можно купить? – поинтересовался я.

- У меня столько денег, что я сам всех куплю!

- Ясно. Но не интересно. И я уже знаю, как тебя зовут. Не трудись представляться. Следующий, - я сделал вид, что больше не замечаю опешившего мажора.

От мечтательной Вероники со странной высокой причёской, напоминающей растрёпанное перекасти-поле, я услышал про кофе, уютный подоконник и дождь, про котят, про Париж и путешествия. А няшная анимешница Соня в фиолетовой футболке поверх жёлтой толстовки, поведала мне про тян и кунов.

Ещё они говорили про глубины океана и фильмы о любви. Про танцы и музыку. Про годные шмотки. Про уровни и звания в компьютерных играх, про нубов и читерство. Про стримы, блоги, каналы. Про футбол и баскетбол.

- Я пою, - сказала одна из девочек. Я вопросительно посмотрел на неё, ожидая продолжения. Она уточнила. – На сцене пою. Эпично.

Больше Таня не знала, что сказать. Она жила от концерта до концерта.

- Вру, - отрезал юноша с тонкой шеей и длинными пальцами, - и все врут. Бесят. Хочу видеть этот мир только в оптический прицел.

- Интересно. Какой калибр предпочитаешь, Стрелок?

Он стушевался и не смог ответить. Продолжил юркий темноглазый мальчик:

- Рил ток. Могу говорить, могу молчать. Могу говорить всякий шлак. Могу агриться и ловить хайп. Могу – лампово, по душам базарить. Могу паркурить, читать реп. Ничего не успеваю.

- Кто ты, не успевающий жить?

- Виталик...

- Я хочу бороться за права женщин, оказывать поддержку тем, кого травят, это такой трабл, когда тебя бьют, а потом все говорят – сама виновата, что

спровоцировала и нельзя давать сдачу – ты же девочка, - горячо говорила девушка Стеша с пирсингом и выбритыми полосками на висках.

- Я очень ленивая и тупая, у меня никогда ничего не получается. Лузер по жизни, - вторила ей печальная Майя в растянутом сером свитерке.

- Хочу свалить из Рашки и заниматься наукой. Как вы считаете, бабочки и птицы возникли в эволюции путем дивергенции? У них же есть сходство в строении летательного аппарата, - у паренька во все стороны торчали соломенные пряди волос и был въедливый пристальный взгляд. Я пошарил в памяти и ответил:

- Не дивергенция, бабочки и птицы из разных систематических групп. Вы же это в конце седьмого класса должны были проходить... Паренек хмыкнул и представился:

- Меня Михаил Анатольевич зовут.

Крупный парень, сидевший вполоборота, вдруг горячечно что-то забормотал, потом вскочил, опрокинул стул и направился в коридор.

- Это Веня, - пояснили ребята. Он такой. И я не стал догонять Веню и возвращать его обратно.

Последний оставшийся, неряшливо одетый, промямлил, что он Паша. И я видел по кривой ухмылке Андрея Не-апостола, что он придумал вопрос, который мне задаст. Поэтому не стал ждать, а ткнул пальцем во Влада:

- Задавай вопрос!

Неподготовленный Влад, рассчитывающий на Андрея, брякнул первое, что пришло в голову:

- Бренд вашей рубашки?

И я ему, конечно, тут же ответил. Название никому, кроме нас двоих, ни о чём не говорило. Но по лицу Влада стало понятно, что это круто и что я не соврал. Прозвенел звонок. Не-апостол ехидно заметил:

- Евгений Вячеславович, а как же урок России?

- Это он и был. Вы и есть будущее России. Вы ровесники века. А расписание на завтра... Скажешь мне свой мессенджер и всем разошлешь. Будешь в этом году старостой класса. Кто хочет, останьтесь и помогите мне парты на место поставить...

Начиная двигать на место парты с Виталиком и Михаилом Анатольевичем, я шепнул уходившему Андрею:

- Никогда не соглашайся играть в игру, правила которой тебе неизвестны или могут меняться по ходу и не тобой.

Он сделал вид, что не услышал меня. А я вдруг понял, что мне не подарили ни одного букета. И несказанно этому обрадовался.

2. Обида по-английски

Я сидел в душной учительской, закопавшись в бумажки. Кто ж знал, что их будет так много?! Отучились всего-ничего – пару недель, а кажется, что я погребен под тоннами отчетных документов на тёмную, зловещую вечность. Неужели ещё так недавно я был тем самым Жекой, который искренне намеревался искромётно и захватывающе, в духе детектива рассказать, скажем, про строение клетки, а затем спокойнѐхонько свалить домой, чтобы через час-другой уже мчаться на байке в автомастерскую, чтобы проверить, как идёт семейный бизнес! Угу. Фиг! К примеру, сегодня мне надо подготовить к родительскому собранию килограмм офисной макулатуры – расписки, анкеты, заявления на внеурочку, памятки по безопасности и ПДД. Почему я должен отвечать, если мой ученик по пути в школу пренебрежет пешеходным переходом? А потому. И точка.

- Жень! – ко мне спешила дородная, кудрявая англичанка. Весь педколлектив за закрытыми дверями звал меня так и каждый при этом улыбался хищно. Ярко-алые губы англичанки, правда, не улыбались, вся её масса подпрыгивала от возмущения, как холодец: «Жень! Жень! Жень!».

- Жень, твои дебилы мне сейчас урок сорвали. Я должна страдать от пары недоумков! Как они меня задолбали! Принеси водички из кулера, сделай милость, - она плюхнулась на стул и обмахивалась схваченной со стола тетрадкой. Поморщилась на протянутый пластиковый стаканчик: «У меня в столе чашка есть, не знаешь что ли...»

- Что произошло? - галантность всей рыцарской эпохи, кажется, сконцентрировалась в моём вопросе.

- Превезенцев нагло обхамил. А Недова истерику устроила. Я им приказала остаться после занятий в классе. Пойди и разберись в ситуации. Сил больше нет это терпеть! – задушенный стаканчик отчаянно вскрикнул в её руке. А я с бесстрастной физиономией отправился в кабинет биологии. Конечно, Не-

апостол и беззащитная Майя. Снова. То, что Андрей самоутверждается в коллективе, бросая вызов учителям, это понятно. Но Майя... Тихая и скромная девочка. Её мама пару дней назад подкараулила меня у школы, чтобы пожаловаться, что никак не может выйти на контакт с англичанкой. Смущенно и заискивающе заглядывала в глаза, боялась, что удеру и торопливо рассказывала: «Майя способная, она с Матвеем, это мой младший, всегда уроки учит, объясняет так хорошо, не сердится никогда. А то я бывает и вспыхну, если он ошибается. А она – никогда, понимаете? В сотый раз одно и то же говорит и не сердится! Но вот с английским беда. Тройки и двойки сплошняком. Я и ругала, и контролировала, и сама ей помогала делать. Представляете: всё-всё досконально выполнили вместе – и всё равно три! Учительница её не любит и выше оценки не ставит. А Майя плачет. Подскажите, как решить вопрос?» Я покивал, пообещал помочь и сбежал. Вот, похоже, пора выполнять обещание. Звук шагов отскакивал от блестящего, чисто вымытого пола и каучуковыми мячиками улетал по коридору.

Скорбная фигурка девочки съёжилась на четвертой парте слева, у самой стены – её привычное место.

- Привет! А где Андрей? – я прошёл между рядами парт и уселся за третью парту, лицом к Майе.

- Домой ушёл. У него тренировка по айкидо. Сказал, что нафиг ему всё это надо... - девочка наклоняется всё ниже, вот-вот коснется парты носом.

- Ясно, а ты почему не ушла?

Она посмотрела исподлобья, но очень удивленно:

- Так Анна Валерьевна велела остаться...

- Что произошло у вас на уроке?

- Я...Я... - Майя захлопала носом и я понял, что она сейчас разрыдается.

- Лучше про Андрея сначала расскажи, что он натворил?

- Ничего, - девочка собралась и приготовилась сражаться со мной.

- А Анна Валерьевна?

- Она сказала ему, что у него слишком...презрительное выражение лица и велела сделать мину попроще. А он ей ответил, что мины...хм...коровы на

дороге оставляют, а ему нравится со сложным лицом жить – меньше идиотов докапывается. Она стала на него орать и выгонять из класса. Он спорил, что она не имеет права. Тогда она сама ушла. Мы решили, что за директором, но, походу, её не застала на месте, поэтому вернулась и дальше стала вести урок.

- А потом?

- Я не успела списать с доски новые слова, а она их стёрла. Я попросила у Тани переписать. Но Анна Валерьевна услышала и стала на меня ругаться, что я разговариваю и мешаю. Велела прочесть правый столбик слов, а я их как раз не записала...

- И она совсем разошлась?

- Ага..., - Майя грустно кивнула.

- Тебе было, наверное, обидно от такой несправедливости...

Майя опять кивнула.

- Потом Анна Валерьевна поставила тебе двойку за работу на уроке и ты расплакалась от отчаянья...

- Да. А она раскричалась, что я срываю ей урок своей истерикой. Я хотела выйти, но она не пустила. И я не могла перестать плакать... Тогда она велела нам с Андреем остаться после уроков и ушла сама...

- Наверно, очень больно плакать перед всем классом, особенно, когда не можешь остановиться... Мне жаль, что так произошло.

Майя посмотрела на меня с недоверием, она ожидала от меня нотаций, но никак не сочувствия. Крепко сжала пальцы в замок и прошептала:

- Мама расстроится, что у меня опять двойка, что я тупая...

- Я не считаю тебя тупой. Давай вместе подумаем, как быть дальше.

- А как быть? - отблеск надежды подсветил её взгляд, запущенный в меня.

- Например, можно попробовать перевести тебя в другую группу по английскому.

- Меня не возьмут, та группа сильнее, - голос Майи опустился до обреченного шёпота. – А у меня еле-еле тройка... Там будет вообще два.

- Знания и способности не всегда определяются оценками...

В этот момент кто-то заглянул в класс, увидел нас и сразу же захлопнул дверь. Я не успел обернуться, чтобы посмотреть, кто это был.

- Знаешь, меня однажды из института несправедливо отчислили, но я всё равно вернулся и доучился... Не сдался... Хочешь, я договорюсь, чтобы тебе дали тест - проверить твои знания? Ты его нормально напишешь и тебя возьмут в сильную группу, - я предлагал, но Майя не верила в свои силы, она мотала головой и повторяла:

- Я тупая. Я тупая.

- Слушай, Майя, - я решил включить строгость. – Это твоя жизнь и твоя учёба. Хочешь оставить всё, как есть – хорошо. Но если вдруг рискнёшь и попытаешься перевестись в сильную группу, я тебе помогу.

Девочка стала раскачиваться от волнения и заламывала пальцы. Надо сменить тему. Солнечный свет падал в окна жёлтыми кусками, которые лежали на полу, на тёмных партах. Мы далеко от этих ярких кусков. Лицо Майи, её растрепавшиеся тонкие волосы - в тени.

- С кем ты дружишь в школе, Майя?

- Ни с кем, - тени становятся резче, солнце – желтее.

- Надо же, как бывает...

- Да. У нас в классе никто ни с кем не дружит. У каждого – свои интересы и своя жизнь. Каждый сам по себе. Парни друг с другом по сети играют, но в школе не особо разговаривают.

- Сложно без друзей... В толпе – как в пустыне, - я сочувствовал искренне. Вообще непонятно, как можно прожить разнопёрую школьную жизнь в одиночестве.

- Ну, так-то друзья не в школе. Во дворе, в кружках. Спортивных секциях...

- А в школе, значит, совсем не находится общих интересов?

Майя отрицательно покачала головой, и мы с ней задумчиво уставились на солнечные прямоугольники на полу. В каждом луче – неисчислимое множество летающих пылинок. У любой из них – своя траектория.

Мне пора было возвращаться к бумажкам. И я попрощался с Майей, отпуская её домой. Когда мы выходили из кабинета, я вдруг подумал о том, что мы с ней и с другими ребятами из её класса – одного роста, есть даже парни выше.

А в коридорах меня принимают за старшеклассника... И всего на десяток лет я их старше... Поворачиваясь, чтобы уйти, Майя помедлила и сказала:

- Я хочу перевестись в другую группу и попробую написать тест. Я подготовлюсь.

Моей торжествующей полуулыбки она уже не увидела. Я запер дверь кабинета и помчался в учительскую. Блин, до родительского собрания надо ещё столько всего успеть.

3. Уважать нельзя травить

Я несколько их не боялся. Родители сидели за партами и обстановка напоминала занятия в автошколе – много случайных и разных людей, собранных вместе, ради одной общей задачи. Просто люди, уставшие после рабочего дня. И мы с ними в одной лодке – надо грести к берегу идеального детского будущего. Настоящее пока было не очень.

- Евгений Вячеславович, вам известен неприятный инцидент с Пашей? – интересуется дама с первой парты. У неё короткая стрижка и длинные, острые, изогнутые ногти бурого цвета. Она не мама Паши. Пашиных родителей здесь вообще нет. Остальные качают головами и вопросительно смотрят на меня. Разбор инцидентов с Пашей – это местный ритуал. Так родителям кажется, что они принимают участие в воспитании подростков и могут влиять на атмосферу в классе.

- Известен, - киваю.

Когда я на прошлой неделе зашел в класс, Влад упирался коленом в спину распростертого на полу Паши, придерживал заломленные назад руки, а Михаил Анатольевич тыкал в Пашино лицо морковным огрызком, который явно не успела дожевать школьная черепашка Матильда. Страдалец мычал, дёргал ногами и головой, отворачиваясь, но всерьёз почти не сопротивлялся. Все вокруг похрюкивали от смеха, Соня размахивала смартфоном, снимая видео. Розовый пушистый шарик болтался на нитке и бил по экрану. Моё появление их не смутило. А никчемная речь о человеческом достоинстве и самоуважении только отняла больше половины урока. На лице Не-апостола явно читалось: «Не лезь со своим уставом в наш монастырь».

В другой день я сподобился зрелища растрепанного Пашиного рюкзака, висящего на лампе. Рюкзак затравленно распахивал щербатый рот, его рвало мятыми тетрадками без обложек. Щербатым рюкзакиный рот стал после

того, как в него силой затолкали пару образцов горных пород из коллекции минералов...

Какой конкретно эпизод имеет ввиду хищная дама за первой партой, уточнять я не собирался.

- И вы предприняли что-нибудь? – глаза родительницы превращаются в узенькие щелки, ногти постукивают по покрытой лаком столешнице – тук-тук-тудук.

- Да. Нужная модель поведения нашлась... - в первую очередь, я говорю о Паше и о себе.

Парень привык быть жертвой, так даже удобнее – все неудачи в учебе спишут на сложные отношения в классе. Можно ничего не решать, просто плыть по течению. У Паши сонные, отсутствующие глаза. Его самолюбие не задевают издевательства и насмешки. «Тебе никогда не хотелось подраться с ними? Постоять за себя?» «В школе нельзя драться», - Паша презирает меня за то, что я не могу его защитить. Паша вообще всех презирает. На нём вытянутые на коленках брюки и мятая рубашка – не потому, что он из бедной семьи, просто ему наплевать, как он выглядит. «Ты знаешь, почему они тебя достают?» Паша пожимает плечами: «Так вышло». «Почему именно тебя?» «Я незащищенный». «Так защищайся!». «От того, что они делают, я не становлюсь хуже. Хуже становятся они. Грязнее и грязнее». Паша ухмыляется сломанной ужимкой, странный учитель – склоняет к жестокости, не старается погасить конфликт, не призывает быть добрее. «Паша, можно пожаловаться в полицию. Перейти в другую школу. Из любой ситуации есть выход»... Паша смотрит на меня, как на ничтожество, неужели я сам не догадываюсь о том, что социальное положение родителей, скажем, Влада, защитит сыночка от всяческих мелких нападков. Позже он пожаловался на меня директору – так же, как и на всех остальных, его обижающих. Такие правила у этой игры. Пашу обижают, а он жалуется.

В конце своего урока я пригласил Пашу выйти к доске. Он подволакивал ноги, за сонным равнодушием прятал торжествующий взгляд. «Назовите по одной причине, за что вы можете уважать Павла», - я был серьезен и непроницаем. Класс разочаровано загудел, опять, мол, двадцать пять – думать, говорить, формулировать, без этого я не отстану... «Он упертый», - отзывается первым Не-апостол. «Он не нарушает школьных правил», «Он не делает никому зла», «Он помог мне с домашкой в шестом классе», «Он никого не боится», «Он пофигист», «У него высокое звание в «Танках»...

Паша пялился на носки грязных ботинок, постукивал пятками, то засовывал, то вынимал руки из карманов, не понимал, что происходит. «Паша, а за что ты можешь уважать своих одноклассников?» - тут я будто вскрыл гнойный, мучительный нарыв. И Пашина система дала сбой: «Я вас всех ненавижу!». Он выбежал в коридор и хлопнул дверью, Влад крикнул ему во след: «Ты прав, бро!». Я обвел глазами класс, постарался заглянуть во все удивленные глаза: «Это не игра. Он правда нас всех ненавидит. И имеет на это право. Я его уважаю за то, что он смог признаться в своей ненависти». «Ну его нафиг. Ненавидит, так ненавидит», - подытожил Не-апостол.

Больше Пашу никто не трогал. Его право на ненависть сочувственно признали. Он ходил величественный в своем неряшливом великолепии и жаловался теперь исключительно на учителей, погоду, правительство, грабительский режим в стране и идиотские программы Министерства образования. Из повестки родительских собраний и педсоветов его персона исчезла навсегда. А я стал думать, как же мне успеть сплотить класс какой-нибудь интересной идеей, пока они не нашли новую жертву.

4. От ворованных конфет до чувства такта

В режиме «Учитель» не оказалось функции временного отключения. Невозможно приехать домой и забыть о работе. Вот так открытие... Внутренние «педагогические поэмы» возникали спонтанно, длились бесконечно – ум, растревоженный ответственностью, прокручивал многоярусные аналитические пассажи. Выставить оценки в электронный дневники, разрулить конфликт в столовой – снова не пропустили вперед малышей, распределить посты дежурных по школе, оценить посещаемость. Почему сегодня не было Тани и Виталика... Таня, возможно, где-то на гастролях, а Виталик – прогуливает или нет... Может, просто проспал... Не забыть написать их родителям сообщение... А я-то до этого считал, что управление отцовским автосервисом забирает значительный энергетический ресурс. Ха! Оказалось, что быть в ресурсе – это для слабаков. Теперь норма – это прокручивание махового педагогического колеса в условиях эмоционального дефицита – только хардкор!!!

- Папа, ты обещал сегодня виртуальную реальность!

Эх, Вика, ты и есть моя виртуальная реальность. Номинально – вот, рядом, на пассажирском сиденье, а фактически – далеко-далеко от тебя мои мысли, крутятся осатаневшей белочкой в бесконечном педагогическом колесе.

В торговом центре людно. Страхивают с пёстрых зонтов капли, ползут неспешно на живых эскалаторных лентах вверх-вниз, дышат кофейными ароматами, отражаются в сотнях зеркальных миров, покупают полосатые конфеты на длинных палочках, смеются за круглыми пластмассовыми столиками и на низких диванчиках под цветущими глициниями и сакурами. Весеннее цветенье в октябре – пластиковое счастье, иллюзия жизни. Вика радостно садится в рельефное кресло, похожее на перекаченное стероидами тело. Надевает волшебный шлем и исчезает в чужой компьютерной реальности. А я остаюсь.

У меня своя реальность. В ней за стойкой на высоком стуле, как попугай на столбе, сидит Андрей Не-апостол и пьет дешевую кока-колу, пялится то в телефон с дармовым фай-фаем, то на народ.

- Привет, можно присесть? – взгромождаюсь рядом, заказываю кофе-глясе, люблю это лакомство больше, чем чёрную горечь. Андрей чуть дёргает уголком рта и ещё больше облакачивается на стойку:

- Здравствуйте.

- Я хочу поговорить. Не возражаешь? – перевожу взгляд на подсвеченное красно-белое меню.

- Про Пашу опять, небось? – Андрей водит пальцем по экрану, прокручивает незримые страницы.

- Нет, про тебя. Часто здесь бываешь?

- В свободное время имею право бывать, где хочу...

- Я не об этом. В смысле – тебе здесь правда интересно? – перебиваю поскорее ворчание Не-апостола. И он неожиданно подаётся на разговор.

- На людей смотрю. Таких, как вы. Знаете, у буддистов такая практика – они на трупы смотрят, чтобы просветление обрести. И все вот эти – тоже – духовные трупы...

- Просветляешься, значит... А ты другой? Не такой?

Андрей прищуривает глаза и чуть качает головой – неуловимое движение.

- В какой-то мере ты прав. А в какой-то ошибаешься, - я надеюсь заинтересовать, но он лишь скептически хмыкает. – Некоторые вещи ты действительно чувствуешь острее. Но это становится твоей болью и

проблемой, а могло бы быть преимуществом... Ты как авторитет в классе завоевал?

Не-апостол всё ещё сидит, навалившись на стойку, старается не показать интерес, чтобы сохранить внутренний авторитет, но слушает внимательно, в телефон уже не смотрит:

- Вам мой опыт завоёвывания авторитета не подойдёт, - быстро цедит сквозь зубы. Тема его цепляет – Я с пацанами в третьем классе на перемене бегал в супермаркет и конфеты для всех воровал. Те, которые на развес, знаете? Никто не решился, а я делал... Для них.

Я потёр двумя пальцами переносицу, такое лёгкое откровение, не спугнуть бы...

- Ты ставишь себя выше других, из-за этого сразу появляется конфликт, тебе приходится сражаться, что-то доказывать. Это утомительно и бессмысленно. Можно по-другому... - мне приносят чашку, я медленно размешиваю белое мороженое в густой и горячей кофейной жидкости. Пломбирный шарик растекается спиралью. Андрей молчит и ждёт. Я наслаждаюсь созерцанием – вся вращающаяся вселенная и мимолётный сладкий холод жизни – в моей чашке, здесь же растворяются и назойливые мысли, голова пустеет...

- Как по-другому? – не выдерживает Андрей. Я перестаю следить за вращением пломбирного шарика и вспоминаю, о чем мы только что разговаривали.

- Чувство такта, Андрей. Когда играешь свою мелодию, нужно это делать в такт. И тогда тебя будут слушать, за тобой захотят идти, откроют тебе все двери. Не конфликт, а тактичность, уважение. Научись этому – сможешь выстраивать свою игру и задавать правила...

Потом прибежала Вика, залпом выпила мой кофе: «Как вкусно, папочка!!! А давай пиццу с собой купим!!!». Я изобразил растерянность – в здешних пиццах я не разбирался. Андрей со снисходительной улыбкой показал «самую вкусную». Всё завертелось вокруг круглого кусочка теста с фейерверком разнокалиберной нарезки. С тёплыми коробками мы поехали домой. В душе тоже было тепло, будто я сделал что-то важное.

5. Педагогический «триумф»

Снова с безумной точностью каждой линии мне снился армейский «Урал» - неровные дыры в его болотном брезенте, обшарпанные доски-лавки внутри.

На грязном, качающемся полу чёрные берцы в ряд, стволы под лавками. Подташнивает от жары и от дорожной тряски. Клонит в сон... Это и так ведь сон, Жека... Взрыв... Не слышу – чувствую кожей, нутром, как сотрясается машина. Выстрелы, крики... Это не со мной. Это неправда. Запах пороха и гари пропитывает меня, мешается с запахом высушенной солнцем земли и горячего железа. Надежды на спасенье нет. Я беспомощен, потерян. Забыт, брошен. Предан. Умираю. Умираю. Умираю. И никому нет до этого дела.

В доме тишина, слышно, как скрипит котёл отопления – цирк-цирк-цирк... За окном большой, утонувший в утренних сумерках мир – суетливый и предсказуемый. Рядом тёплая, живая Леночка. Одеваюсь, спускаюсь вниз, ныряю в синюю осеннюю прохладу. На влажной траве – опавшие листья. Земля не качается под ногами, не проваливается в бездну – всё стабильно и твёрдо. На ветках – упругие, красные яблоки, пахнущие сладкой свежестью и паутина тумана. Иду мимо, в самый угол сада, там на нескольких сотках впились корнями в землю моя надежда – саженцы яблонь, вишен, слив, дубов, каштанов, сосен – небольшой питомник. Молодые деревья цепко держат земной шар под моими ногами, не дают ему взорваться, как в страшном сне, и полететь в тар-тарары. Сейчас я чувствую это необыкновенно остро и ясно. И знаю теперь, что надо делать. Пришло время посадить новый сад. Сад дружбы. В голове становится легко и чисто, мои кроссовки намокли от росы, а под куртку забрался холод утреннего октября.

Договориться с директором о посадках на пришкольной территории – ничего не стоило. А вот доказать необходимость освобождения для этого целого дня в расписании восьмого «А» класса – очень сложно.

- Жень, твоя «гениальная» идея старше динозавров, - директор отвлеклась на несколько мгновений от монитора компьютера, откинулась на спинку стула и посмотрела на меня поверх очков. – Пробовали за каждым классом закреплять участок, устраивали конкурс на лучшую клумбу.. Не работает. Сам видел. Они только из-под палки выходят облагораживать территорию.

Я припомнил заросшие сорной травой бугорки с десятком печальных бархатцев – от них веяло могильной эстетикой. И пообещал:

- В этот раз всё будет по-другому, я подведу под это дело теоретическую базу. Главная задача – не озеленить участок, а подружиться в процессе интересного и важного дела. Оставить после себя общий след для других поколений.

- Сафронов, ты энтузиаст... А у нас аттестационная неделя. Давай после уроков.

- Всего лишь один свободный день. Они должны проникнуться значимостью действия. Это и вправду важнее учебного дня. Конкретное, живое дело. Практические, полезные навыки. Вы же не случайно мне доверили сложный класс, поверили в меня. Вот я и пытаюсь...

- Хорошо, я попрошу Светлану Фёдоровну внести на следующей неделе изменения в сетку расписания. Только потому, что ты молодой и не опытный - это будет в первую очередь урок тебе. Вот увидишь, что это провальная затея. Кроме гаджетов и мотаний по торговым центрам их нынче ничего не волнует.

Я промолчал. Я верил, что это не так.

И предвкушал педагогический триумф. Разметил колышками место будущих посадок. Подготовил красочную презентацию и пылкую речь.

- Друзья! На следующей неделе, в пятницу, мы не учимся. Нас ждёт более важное во вселенском масштабе дело. Мы будем оставлять свой след в вечности. Сажать деревья. Зря фыркаете и скептически улыбаетесь. Всё не так просто, как кажется. Я даже про экологию не буду рассказывать, про необходимый нам кислород – это очевидно. Кроме кислорода, нам важно кое-что ещё. Это возможность прикоснуться к настоящей жизни, к тому, из чего нас постоянно выбивает материальная суэта. К подлинному, понимаете? Это не просто перемещение мертвых вещей в пространстве, которым мы все чаще всего занимаемся – это созидание, творчество, деяние. Ощущение участия в творческом процессе подарит каждому из вас вдохновение. Представьте, вы почувствуете ответственность за живое существо, назначите цель, во имя которой это существо будет расти. Да, так можно, оказывается. Скажете – во имя любви, вечности, жизни. И приумножится любовь в мире, он выстоит в бесконечных войнах и останется в живых именно благодаря вашему деревцу. С какими мыслями вы его посадите, те оно и будет возвращать – может помочь вам найти свое место в жизни, восстановить взаимопонимание в семье, обрести надежных друзей, встретить настоящую любовь – это древняя магия и она работает. Вы ровесники века, вы закладываете ростки будущего, оно и правда в ваших руках. Вы в пятницу сможете выбрать и загадать любую судьбу... Все учителя понимают, насколько это важно. Поэтому и согласились отменить занятия...

Кто-то слушал с интересом, кто-то смотрел в окно. Таня сказала, что у неё выступление. Михаил Анатольевич посетовал с сожалением, что на этот день назначена городская олимпиада. Влад бросил, что посадит, сколько захочет деревьев у коттеджа отца. И когда захочет. Стеша скрестила руки на груди и готовилась метнуть в меня тираду о недопустимости эксплуатации детского труда. Не-апостол сидел с непроницаемым лицом. Виталик посматривал на часы. Веня радостно раскачивал парту, он понял только то, что в пятницу они не учатся.

В назначенный день пришла одна Майя. Покорная и печальная. Накрапывал мелкий дождь. Она стояла под ним без зонта и обреченно смотрела на меня. Её задорная чёлка прилипла ко лбу, по щекам стекали капли. Я с охапкой саженцев в чёрном пакете оптимизма ей тоже не внушал.

- Ну что ж... По крайней мере, нам нужна будет только одна лопата, - я сгрузил на траву саженцы и пошел обратно к машине – надо достать для Майи дождевик. В лужах, в отполированных машинных боках отражались деревья, они тянули руки к своим младшим товарищам, приветствовали их. На капоте белели пятна птичьего помёта. И впереди был день, длиной в вечность. Сплетённый из струй дождя, комьев земли, гладкого древка лопаты, напряжения мышц спины, рук, ног... Майиною хлюпанья носом, гибких стволов, подрагивающих по очереди в её ладони.

- Во имя Любви, Вечности, Жизни... - шептала девочка, придерживая саженцы, пока я их прикапывал.

Из окна своего кабинета на наши жалкие фигуры посматривала директор и, готов поспорить, то прятала злорадную улыбку, то осуждающе покачивала головой.

6. Стрелок, моральный закон и чатик

В воскресенье, поздно вечером, мне позвонила завуч. В этот раз она не растягивала кокетливо моё имя, а сказала тяжело и коротко:

- Женя, готовься, завтра в школу придет инспектор. Для беседы. В твой класс.

- По какому поводу? – на самом деле мне совсем не хотелось это знать. Но соломки постелить требовалось.

- Кирилл Васильев в больнице. Драка на улице.

- Эх... - только и смог сказать я. Стрелок, Стрелок, что ж ты там натворил? Ты, желающий рассматривать людей только в оптический прицел...

Завуч продолжила:

- Он заметил, как мужик пытался ограбить девушку - отнять у неё рюкзак. Вступился. Мужик жестоко избил Кирилла, а девушка убежала. Ищут свидетелей драки и будут запрашивать у тебя характеристику учащегося.

- Так это не драка была, а грабёж! И Васильев молодец!

- Нет, Женя. Это была драка. Васильев напал первым, его это вообще не касалось. И не вздумай завтра ляпнуть, что он молодец. Я тебя предупредила. Всё, пока, - она отключилась, а я не мог опомниться от негодования. Вот значит теперь как в этом мире... Не так уж и ошибался в своих убеждениях по поводу людей бедолага Стрелок...Защитивший слабого стал преступником, потому что «влез не в своё дело»...

Заснуть так и не получилось, до утра меня окутывала тревожная дрёма. Я видел тёмный тротуар. Коренастый, бритый бугай ворочает красными ручищами, хватая девушку то за волосы, то за рюкзак. Она кричит, но все опасно переходят на другую сторону улицы, косятся, ускоряют шаг. Только тщедушный подросток с худой длинной шеей и тонкими пальцами бросается на помощь. В круге света одинокого фонаря мелькают ожесточенные движения, это не борьба, это остервенелое избиение. Длинные пальцы в крови, по лицу течет кровь. Кровь. Кровь. Смешивается с дождевой водой, растекается по асфальту – в темноте не разобрать.

Инспектор – угрюмая блондинка. Она расспрашивает меня про Стрелка. По всем ли предметам успевает? Общительный ли? Есть ли контакт с одноклассниками? Не было ли проявлений агрессии, неоправданной жестокости? Будто в мутную воду запускает невидимые стальные сети. Ловись, рыбка, большая и маленькая. Не сам ли Кирилл напал на добропорядочного гражданина, а потом испугался и наврал с три короба?

- А девушку-то нашли потерпевшую? – спрашиваю и надеюсь на лучшее.

- Нет. Да и была ли она? Показания Васильева и подозреваемого расходятся... - она смотрит на меня многозначительно и сурово.

Дело ясное, что дело тёмное.

Слухи распространяются быстро. В классе неуютно, будто зависло над нами тёмное предгрозовое небо. Одна искра, молния – и всё взорвется от напряжения. И я слышу эту искру краем уха:

- Ты чего, debil? - шипит Стеша на Влада. – Я такого бреда никогда не читала.

- Бредишь у нас только ты, фанатичка, чокнутая, - парирует Влад, его поддерживает Михаил Анатольевич:

- Всё правильно Влад написал, так и есть. Стрелок сам виноват. А вы с Виталиком только хайп в беседе поднимаете.

Взрыв. Нет, это звонок. Я должен прямо сейчас прочитать эту переписку. Беседу некогда создал Не-апостол, рукоположенный мной на должность старосты класса, там мы решали мелкие организационные вопросы. Обычно ничего интересного в ней не происходило – перебрасывались парой фраз, уточняли дату или время события, домашнее задание, спрашивали про забытые в классе вещи... Укрывшись в пустой учительской, я загружал смартфон дрожащими от волнения руками. Строчки тёмно-синего текста сходились и расходились, переплетались и кривлялись всевозможными смайликами. Главная фраза в моём сознании горела алым: «Стрелок сам виноват. Он влез не в своё дело». Так действительно считали многие. Проблемы незнакомой девушки его никак не касались, грабитель напал не на него, самооборона не требовалась. Стрелка называли дураком – не сообразил, что благоразумнее перейти на другую сторону, как сделали все остальные, и вызывать полицию. Мне казалось, что проявить мужество и защитить человека – это единственная адекватная реакция, в остальных случаях струсившему должно быть стыдно, а не нет – теперь такое поведение называют нарушением границ и осуждают...

Наверное, учительский состав меня, мягко говоря, не похвалит, но промолчать я тоже не могу... Многие из ребят, не смотря на урок, висели в онлайне, поэтому я набрал: «Сегодня обязательно зайдите после занятий в наш кабинет. Дело жизни и смерти» - поставил дьявольский смайлик с трезубцем и отправил в чат. Затем стал готовиться, надо было накопать побольше убедительных примеров.

Они заходили в класс, косились на экран у доски. С него им улыбалась девочка лет двенадцати. Озадаченно вздыхали, переглядывались, рассаживались.

- Эта девочка младше вас. Но она Герой России, - я начал без предисловий, предупреждая ехидные вопросы. - Она спасла из горящего дома троих маленьких детей. Вынесла на себе. Её никто не просил. Это были чужие дети, но она даже не задумалась, что нарушает какие-то границы. Она вообще не рассуждала, - в таких ситуациях действуешь интуитивно. Если бы не она, малыши бы погибли. Это мальчик, который вытащил из полыньи незнакомую ему девочку. А вот этот юноша спас ребёнка ценой собственной жизни., - я листал и листал бесконечные слайды. Класс молчал. Впервые меня слушали так серьезно.

- Но могли бы и не спасти, плюс сами бы погибли! – вызывающе крикнул Влад.

- Могли бы. И наверняка некоторые погибали, не рассчитав свои силы, - согласился я. – Но дело не в этом. А в том, что все они не могли поступить иначе. Это был их выбор. Они подчинялись внутреннему моральному закону – помощи слабому. Да, иногда случается так, что внутренний закон противоречит закону внешнему. Это и про нарушение границ и про благоразумное невмешательство и про готовность применить силу, не имея ни времени, ни возможности разобраться в ситуации, и про заведомое расположение сил не в их пользу - если преступник или стихия точно сильнее... Какому закону следовать – каждый выбирает сам.

- На Западе за такую защиту могут в тюрьму посадить! – не сдавался Влад

- И сажают, - я не спорил. – Иногда проще сесть в тюрьму, чем жить с мыслью, что мог спасти, но ничего не сделал. Но там настолько всё перевернулось у людей в головах, что мужчина будет стоять и набирать номер полицейского участка, пока избивают и насилуют его жену. И ни один прохожий даже близко не подойдет – а то решат ещё, что он относит женщин к слабому полу, обвинят в нетолерантности, в суд, чего доброго, подадут... Как бы чего не вышло... Да-с...

- Я читала про такие случаи, но это уже совсем перегибы, - подскочила Стеша. – если человеку – хоть женщине, хоть мужчине – нужна помощь, то надо помочь!

- А Стрелок что сделал? За девушку заступился, не дал у неё рюкзак спереть. За что по башке и получил. Он сделал, то, что должен был. А вы его дураком называете, потому что сами бы трусили и законом прикрылись. Как удобно! – крикнул Виталик.

- Ах! Ах! Стрелок у нас Герой России теперь! – закатывал глаза Влад. Не-апостол шлёпнул его учебником по макушке и подытожил:

- Я в «Подслушку» написал, надо девку найти, которую Стрелок спасал, пусть показания даёт и не отлынивает. Наш долг и моральный выбор – помочь этому пионеру-герою. И поехали уже в больницу. Привезём ему апельсинов и всякое такое, что там полагается! Погнали! Евгений Вячеславович, а в какой он больнице?

И мы погнали.

Стояли под окнами первой городской, горланили, суетливо размахивали руками, подпрыгивали и волновались, как разноцветное крошечное море. Где-то в окне третьего этажа маячила белым бильярдным шаром забинтованная голова растроганного Стрелка.

В кармане у меня то и дело пикала мобила с не успевающим погаснуть экраном, высвечивались всё новые и новые сообщения в общем чате: «Ты красавица, Киря!», «Как самочувствие?», «А девку мой батя поможет найти и не таких находили (это от Влада)», «Не ссы, Стрелок, всё будет ОК!», «Кушай фрукты, поправляйся». И в конце – капслоком от Васильева: «ПАСИБ, БРАТВА!»

7. #СказкаДляКраснойШапочки

Ещё и снега-то толком не было, чуть-чуть изморозь с утра – будто сахарная пудра – на ломких, карамельных, тёмно-коричневых листьях. Или зарядит вдруг вечером дождь вперемешку со льдинками – такой вот ледяной фреш швырнёт тебе в лицо острым ветром и заторопишься, чтобы укрыться поскорее в ракушке машины – опять задержался допоздна, а хотел ведь после обеда свалить домой... В супермаркетах уже распялили на входе чучела ёлок, лупоглазые от безвкусицы пластиковых шаров. Активирован режим подготовки к Новому году.

«Евгений Вячеславович, пора подумать о новогоднем фестивале. Знаете, у нас традиция такая... Каждый год... Классы готовят интерактивные программы, творческие номера, ставят спектакли, продают поделки за местную однодневную валюту – фестивальные купоны. Публика из учеников, их родителей и друзей голосует этой валютой за приглянувшийся контент. Класс-победитель, у которого «выручка» окажется больше, поедет в областной центр на спектакль молодежного театра».

Подумать, так подумать...

Почему-то каждый раз в это время как-то особенно искренне начинаешь верить, что в следующем году всё наконец-то изменится к лучшему. Ещё чуть-чуть и всех ждёт чудо вселенского масштаба. Нужно непременно подготовиться к его встрече. Достать коробку с пыльной, расчлененной ёлкой, расправить каждый проволочный усик ветки, решить, что в этот раз хочется красного цвета, обнаружить, что игрушек нужной цветовой гаммы маловато, срочно купить новых – брусничных – шаров, бантов, мишуры. Обмотать всем этим ёлочный ёршик. Найти перегоревшую лампочку в гирлянде, залипнуть на мерцание огоньков... И ждать. В какой-то момент обязательно придет удивление, что перестал замечать весь этот новогодний декор, что от мандаринов осталась только кожура, недопитое шампанское безнадежно выдохлось, а от бенгальских огней - прожженное пятнышко на полу, будто раздавленный таракан. И ничего не изменилось. Всё то же самое. Снова и снова. Где сказка, в которую с такой надеждой верилось?

На подоконнике в школьном коридоре рыдала Таня. Упиралась головой в худые, острые коленки, сжималась, чтобы стать как можно незаметнее:

- Ыыыыыыыаааааа. А.А.А.....!!!! – раскатывалось широко и мощно, будто аэробус ехал по взлётной полосе.

Рядом стояли Майя и Стеша, гладили Таню по согнутой спине:

- Да ладно, фигня...

Остальные отошли к другому окну. На взлётной полосе стоять опасно. Они мне всё и объяснили. В этом году Тане не дали главную роль в школьном мюзикле – взяли девочку помладше и помимимишнее. А Тане оставили лишь один сольный номер. Она страдала от того, что не сможет теперь стать звездой фестиваля.

- Жестокий мир шоу-бизнеса, - прокомментировал Влад, - всех старух – на свалку истории, а сцена требует свежей крови!

Они привыкли халявить, класс ни разу не участвовал в фестивале – выезжали за счёт выступления Тани, которое шло в общий зачёт. Но не в этот раз.

- Если Танин номер зрителям понравится, они за нас проголосуют. И есть шанс обойти даже главную роль, - оказывается, оптимист во мне умер не до конца. Отверженная певица подняла голову, повернулась к нам – на щеках – чёрные ручейки потёкшей туши.

- Так давайте сделаем его лучшим! – поддержал меня Не-апостол, - чё там для этого надо? Зажжём!

- Виталик хвалился, что умеет реп читать. Всё, Виталя, ты в деле, - припахал я нашего разностороннего товарища. Через пару секунд он въехал в тему, вдохновился и завертелись все шестерёнки его творческих мозгов:

- Какой, говоришь, у тебя костюм есть? Красной Шапочки? Отстой! Знаю альтернативную песню «Через лес идёт дорога, через лес...», это зашквар, конечно, потому что её первоклашкам на утреннике петь – самое оно. Но можно проапгрейдить... Перепеть на два голоса. Приляпать Таньке татуировки и вообще всяческий треш, чулки там рваные, дать биты в руки. Брейк-данс эпичный на подтанцовке. И я такой... в образе brutального волка...кожаная безрукавка с шипами, штаны широкие, берцы... Давайте, а?! Эщкере!!!

- Годная идея. Пиши. Мы с Владом брейк можем, - Не-апостол загрёб возмущенного мажора в захват и подарил Тане голливудскую улыбку.

- Без рекламной кампании мы ничего не добьёмся, - возразил Михаил Анатольевич. - Она должна быть продуманной. В рамках одной главной темы.

- Так тема сказка. Для нашей Красной Шапочки, - вставила свои пять копеек Стеша.

- Ну, ок, сказка, - согласился Михаил Анатольевич, - в качестве рекламы хорошо работают розыгрыши в социальных сетях. К примеру, условия – надо сделать селфи со сказочным героем из нашего класса. Поставить хештег #СказкаДляКраснойШапочки и выложить в Инсту. А мы потом среди них разыграем приз.

- О, да, в нашем классе все сказочные на всю голову, - поддержал его кто-то из толпы.

- Каким ещё сказочным героем? – не понял народ.

- Таня в образе Красной Шапочки, Виталя в образе Волка, Андрей, Влад и... Соня, например, в кигуруми единорога, енота и покемона Пикачу, могут по очереди появляться в самых людных местах школы на переменах...

- Ухахаха!!! ...Покемона Пикачу!...- ну ты и завернул, Анатолич!!! – покатались от смеха ребята. Оратор оставался серьезным.

- Ну а приз? – скорчил кислую рожу Влад. Ему заговорчески подмигнул Не-апостол:

- Наш Евгений Вячеславович скрывает от нас удивительные таланты. Правда, в мировой сети можно найти любую инфу... Так вот, он фотограф, ребята! И насколько я могу судить, неплохой. Можно оборудовать фотозону с парой ёлок и бутафорскими подарочными коробками. Пипл схавает на ура. Фоткать за купоны. А победителей розыгрыша – бесплатно. Поделитесь оборудованием, Евгений Вячеславович, а?

Вот это поворот. Я обреченно согласился:

- Хорошо, я принесу пару отражателей, фотоаппарат и штатив.

- Круууто...- протянула Стеша. – Я тоже люблю фоткать...

Я тут же спихнул всё на неё:

- Вот ты и будешь фотографировать народ. Не делай глаза, как у мышонка. Под моим руководством. Я научу, говорю же!

- Свет... Могу поставить любую схему, - дернул меня за рукав Веня. – «Рембрант» с софтбоксом, «Рембрант» с зонтиком, «Рембрант» с сотами, короткий «Рембрант», широкий «Рембрант», разделение с заполнением и без...

- Ого, Веня, да ты знаток, оказывается...

Но Веню было не остановить, и он продолжал бормотать:

- Короткое разделение, широкое разделение, рисующий свет, петля, бабочка, заполняющий, плоский свет, барсук, раковина, контровый свет... - его уже не слушали, обсуждали, где взять пижамы кигуруми, когда начать репетиции, петь вживую или записать, предлагали устроить бук-кроссинг книг со сказками, даже продавать их за купоны. С сожалением услышали звонок на урок и с двойной силой продолжили развивать тему в общем чате.

За неделю до фестиваля Инстаргам пестрел дифирамбами мне – фотографу всея Руси, нашей будущей офигенной фотосессии и селфи, на которых рядом с самыми разными лицами краснела Соня-Пикачу, показывал «Ня» Влад в пижаме единорога, ослепительно улыбался Не-апостол с хвостом енота. Множились хештеги. Школьники превратились в сталкеров, отслеживающих грозную Таню в Красной Шапочке и обаятельного Виталию-Волка. Ребята едва успевали переодеваться к началу урока – их задерживали радостные

толпы. Михаил Анатольевич хорошо потрудились над раскруткой нашего проекта.

- Женя, что ты устроил за цирк! – возмущалась завуч. Но поймать сказочных персонажей с поличным не удавалось, они вовремя скрывались и не мешали учебному процессу, поэтому я лишь разводил руками и изображал непонимание.

В день фестиваля я не смог утром съесть ни кусочка, только нагрузился кофе. Не волновался так даже в день собственной свадьбы. Пока мы с Веней и Стешей расставляли привезенное мной оборудование, декорировали фотозону, собралась очередь из желающих сфоткаться. Михаил Анатольевич заведовал столом с книгами и активно их всем навязывал. Оказывается, они любят читать, вопреки мнению уважаемого педагогического состава. Пусть не то и не так – чаще слушают аудиокниги, но им интересна творческая работа – генерировать образы из получаемого текста, размышлять над этим, ловить кайф от правдоподобности ожившего в сознании мира, прятаться от реальности за книжным заголовком. Конечно, Роулинг, ожидаемо, но и Селлинджер, Бредбери, Робин Хобб, Никитин, Семёнова, Булгаков... Всё совсем не так печально, как кажется взрослым ханжам.

- А где Красная Шапочка? – поминутно спрашивали меня – хотим с ней селфи сделать...

Представление вот-вот должно было начаться. И я только разве что ногти не грыз. Свой фотопост оставить не решился, но музыку из зала было слышно отлично, и я до мельчайших подробностей мог представить то, что там происходило, так тщательно мы всё отрепетировали.

Звучит вступление. И зрители с удивлением смотрят на пустую сцену. Но вот из зала, с разных сторон выбегают Единорог, Енот, Пикачу. Их узнают, им хлопают, они машут в ответ. Появляется колоритная Таня и рассказывает речитативом:

- А вот история знакомая и вечная.

Она про девочку, что так была беспечна.

И все вокруг ее считали просто "лапочкой".

Ну а соседи называли Красной Шапочкой.

Вот как-то мама ее к бабушке отправила.

И пирожки начинкой вкусно заправила.

Все положила ей в плетеное лукошко.

Ну и дала немного денег на дорожку.

Единорог и Енот под припев отплясывают брейк, Шапочка с Пикачу прыгают по сцене. Выходит Волк, заводит уверенно:

- И даже в сказках неприятности случаются.

Ей по дороге этот серый волк встречается.

Он санитаром леса девочке представился.

И о здоровье дорогой бабули справился.

С чего она от этих волчьих слов растаяла.

Ему координаты бабушки оставила.

Мобильный телефон, e-mail и адрес дома.

Как будто с волком тыщу лет была знакома.

Зал ревит! И они читают уже дуэтом:

- Как жестоко обошелся он с девчушкой.

Для начала он поужинал старушкой.

И надел ее очки, халат и тапочки.

Волк остался ждать десерт из Красной Шапочки.

Что было дальше - всем известно без сомнения.

Только знала внучка телефон спасения.

Она на пульт из брюха волка дозвонилась.

И обстановка сразу резко изменилась.

По сцене лучи прожекторов и вой сирены, Единорог с Енотом подбрасывают вверх Волка, он делает сальто назад. Приземляется, его подхватывают, укладывают мордой в пол.

- Внимание, Волк, вы полностью окружены, сопротивление бесполезно!

- Отпустите заложников и выходите с поднятыми вверх лапами!

-А теперь лохматый! Я сказал – лохматый!

И вот уже даже Красная Шапочка делает простой «toprock» вместе со всеми.

- Чтобы не попасть в такую ситуацию.

Вы чужим не разглашайте информацию.

Даже если вы надели шапку красную.

То маршруты выбирайте безопасные!

Им долго аплодируют, а Михаил Анатольевич запускает на большой экран трансляцию розыгрыша главного приза. Школьный мюзикл, выступление хора, декламация новогодних стихотворений, разномастные поделки-сувениры – всё это меркнет перед нашим номером. Стеша трудится без усталости, усаживая всё новых и новых желающих сфотографироваться, выбирает ракурс, нажимает на кнопку: «Готово! Фотографии завтра будут загружены в школьную группу. Следующий». Я собираю купоны, мне уже некуда их складывать. А Веня то гордо придерживает внешнюю вспышку, то поправляет отражатель...

Артисты выбегают к нам распаренные, взъерошенные:

- Мы выиграли! За нас много проголосовало! Ура!!! – мы обнимаемся, сваливаемся в огромную кучу-малу, а невозмутимый Веня держит над нами зонтик.

Таня осталась на пьедестале звезды фестиваля, хоть и не в бальном платье, а обклеенная нелепыми татуировками, растрёпанная, в разорванных колготках и высоких ботинках, не с волшебной палочкой, а с битой в руках, но необыкновенно счастливая.

А потом была поездка в областной центр, в театр. Они забывали шапки, телефоны и деньги. Их укачивало в автобусе. Рвались наушники и куртки. Мгновенно исчезал припасённый шоколад, шуршали запретные пакетики с чипсами и портились бутерброды с варёной колбасой. Вырывались матерные словечки и дьявольский хохот. Они не желали сидеть тихо, толкались и спорили. Комментировали слишком громко и слишком остроумно. Попали в скучную пробку и пели хором неизвестные мне песни. И известные мне тоже. Терялись, перепутывались, добивали горячей и страшной мыслью «Кого-то одного нет». Роняли и разбивали планшеты, рассыпали и собирали мелочь. Почти ничего не запомнили и не поняли из постановки. Но вернулись совсем другими.

8. Сердечные дела

Мы с Викой опаздывали в школу. Просто капец, как опаздывали. Я вчера засиделся за компом, сонная Леночка несколько раз грозила убить – ей мешал стук клавиш. Потом мы не услышали будильник, разбудил только Викин крик: «Вы что?! Ещё дрыхнете! Я в школу не успею! У меня физ-ра

первым уроком!» Раздосадованные и помятые, мы выехали позже, чем обычно, и, конечно, попали в самое нутро утренней пробки. Стояли теперь в ней и радовались только тому, что у нас сиденья с подогревом – за бортом пурга, в снежной взвеси маячки светофоров. Так и живём – от маячка, до маячка. От праздника, до праздника. Откружился, отзвенел бубенцами, отгремел петардами Новый год, а вчера что? Вчера был день влюблённых. Иноземный праздник, который даже неловко отмечать, но при этом не покидает ощущение, что знакомые и даже незнакомые девушки от тебя чего-то ждут - скребёт затаившаяся мышь вины – опять не оправдал странные, неведомые надежды непонятно кого.

В школе поставили обклеенный сердечками ящик для валентинок. Толпы девчонок – от мала до велика – отправляли друг дружке открытки и страдали в предвкушении заветной бумажки от пацанов. Пацаны этим делом не увлекались. Разве что от безнадёги – а куда деваться – ведь если не отправить ей кусочек цветного картона в форме сердечка - до 23 февраля не будет разговаривать и списать не даст. «У нас мальчишки дурные, маленькие - жаловалась Вика на одноклассников-первоклашек. – Вообще не в теме. Боятся имя с ошибкой написать. Вот и жди тут зря, как старая дева». «Ну и зачем тебе знаки внимания от таких-то дурней?» - спрашивал я. Она вздыхала разочарованно: «Эх, папа, даже ты не понимаешь... Это ж внутренний статус». Поэтому в учительской я схватил тетрадный листок, написал на нём «Я люблю тебя, дочка. Папа», подглядел в телефоне схему оригами и сложил простое, но изящное сердечко. Кому не надо – не подсмострит, не откроет, а адресат мой кудрявый развернёт и порадует. Вывел снаружи имя и класс, сунул в карман и побежал по учебным делам, рядом с ящиком окажусь – закину.

Сегодня Вика не жаловалась. Сидела на заднем сиденье и улыбалась загадочно, как маленький Будда. Потом сказала:

- Спасибо, пап, за валентинку. Было приятно.
- Как там твой внутренний статус? Поднялся? – я её в зеркало видел. А она меня – нет.
- Угу. И внешний тоже. Меня сразу все зауважали, когда мне школьный почтальон твоё сердечко вручил. Я ж не сказала, что оно от тебя. Теперь думают, что у меня есть поклонник в старшем классе.

А мы всё никак не могли доехать до школы. И злая метель залепляла окна охапками колючих снежинок.

Первого и второго урока у меня не было. Надеялся спокойно посидеть над бумажками – с меня требовали кучу планов урока, методических обоснований, отчётов – и вообще громадное количество казенных текстов. Хочешь – не хочешь, а Гугл в помощь – и вперед. Но на перемене в учительскую протиснулась Таня, пискнула: «Евгений Вячеславович!», ей тут же прилетело от наших сердитых тёток: «Почему без стука?! В учительскую нельзя!» И мне пришлось выйти с ней в коридор.

Мы стояли, как два камня в бурном потоке учеников.

- Майя пропала. Не пришла на первый урок, - сообщила Таня, наматывая на палец прядь волос.

- Так, может, просто проспала, бывает... - я, как никто другой, знал, что ой, бывает. Но Таня скорчила гримасу:

- Нет. Она приходила в школу, понимаете? Привела младшего брата. Я видела, что она стояла на крыльце. Поздоровалась с ней, когда заходила, она не пошла внутрь. Ждала.

- Почему же она не пошла на занятия? И чего ждала? Холодно сегодня...

Таня замаялась. Но ответила, отвернувшись:

- Она Вас ждала. Вашу машину высматривала...

- Зачем? Первым уроком был английский. У Майи проблемы в новой группе? Она о них мне хотела рассказать? – разговаривать было неудобно, приходилось повышать голос в школьной какофонии. Деликатная тема крика не терпела. И мы спустились вниз, к раздевалкам.

- Нет, - мотнула головой Таня. – Майя была расстроена, потому что видела, как Вы вчера валентинку в ящик опускали, понадеялась, вдруг ей, хотела Вам тоже подарить. Но оказалось, что не ей. И она не решилась в ящик положить, хотела, наверно, сегодня сама отдать. Поэтому ждала. А Вы не приехали к началу урока. Она ждала и плакала. Потом ушла.

Тема девичьих любовных страданий меня тронула мало, но надо было разобраться:

- Давай ей позвоним и убедимся, что всё хорошо.

- У неё телефон не отвечает... - в это время мобильник Тани пискнул. – о, от Майи сообщение...

Я обрадовался, что ничего страшного не произошло и можно будет вернуться к своим бумажкам. Но Таня глянула на экран и окаменела. Четыре слова: «Всех люблю. Всем пока». И фотка - Майя, намотавшая шарф до глаз, кромка кирпичной стены на фоне неба.

- Это высотка, где тётка её живёт, там общественные балконы в подъезде. Открытые. Она говорила как-то про них. И что лететь вниз не так уж и страшно... - прерывисто выдыхала Таня, пока мы бежали вон из школы, скорее, скорее. Лишь бы удалось правильно угадать дом. Танину куртку из раздевалки прихватить успели, а я за своей наверх не пошёл – на машине всё равно.

- Пиши ей. Держи её на связи! – кричал я. – Напиши, что знаешь, кому я отправил валентинку, что узнала обо мне что-то очень важное и расскажешь при встрече. Пиши любую фигню, лишь бы она заинтересовалась, осталась в сети! Выигрывай время. Мы должны успеть!

Я подруливал к дому, в руках и в ногах дрожь – до конца поверить не мог, но было страшно, что прямо сейчас эта глупая девчонка умрёт и столько всего не узнает... Только тонкая ниточка сотовой связи соединяла нас с ней, а её – с жизнью. Таня вытягивала её, берегла и боялась порвать. Подъезд я открыл кодом, есть такая фишка взлома домофонов. Ввалились в лифт и поехали на последний этаж. Хорошо, что высотки - редкость для нашего небольшого города. Больше шансов, что Майя здесь, в знакомом ей доме.

- Будем спускаться вниз по лестнице, мимо каждого балкона, так найдем нужный этаж, - я успокаивал Таню или себя?

Когда лифт нас выплюнул, мы метнулись за угол, к общему балкону. Майя сидела на перилах к нам спиной, свесив ноги наружу, похоже было, что она что-то набирала в телефоне, на шум лифта и топот она оглянулась, сделала резкое движение – то ли спрыгнуть, то ли перелезть назад... Я метнулся мгновенно, со всей армейской сноровкой, схватил девочку и мы упали вместе на бетонный пол, заплёванный окурками. Прижал крепко. Обхватил понадежнее, Заглянул в опухшие от слёз глаза. Майя смотрела вверх, не сопротивлялась. Потом я сел, прислонившись спиной к ледяной стене, подтянул девочку так, чтобы она сидела, облокотившись на меня, и всё ещё не выпуская, заговорил:

- Ты думаешь, смерть – это романтика, слёзы близких, запоздалые раскаянья и вечная память, красивое тело в гробу, много цветов? Нет, девочка. Смерть – это обыденно и скучно. Это просто. И некрасиво. Пожалела бы дворника, который будет собирать твои мозги и лужу крови с асфальта, родственников и случайных прохожих, детей, которые увидят торчащие кости, мясное месиво, разбитый череп, сизые кишки... Они тебе точно спасибо не скажут и не запомнят тебя молодой и красивой – нет - они запомнят только кровавый фарш. Нужна тебе такая вечная память?

Майя сглотнула и потерлась щекой о своё плечо.

- Жизнь и так очень короткая. Оглянуться не успеешь – закончится. И прерывать её самой – смысла нет. Не получится ни красивых жестов, ни укора глупым близким, оставившим тебя без поддержки. Смерть не может заставить любить. Как раз те, в чьём сердце ты хочешь навсегда остаться забудут тебя раньше всех, от силы, подумают о тебе секунд пять и продолжат жить свою жизнь. А ты так и не узнаешь столько всего! Ты была на море? Нет. Там открытый горизонт, волны набегают на берег и на песке остаются мокрые следы... Солёная вода легко держит твоё тело, покачивает, бережёт, убаюкивает. Когда в море садится солнце – это такое зрелище, которое обязательно нужно увидеть хотя бы раз в жизни... - заметив, что деревянная Майина спина чуть-чуть расслабилась, я продолжил:

- Мы все умрём. Это неизбежно. Это будет. Очень скоро. Обязательно. Ты успеешь. Ты всё успеешь. Просто давай договоримся – ты постараешься продержаться в живых неделю. А потом хорошенько подумаешь ещё раз...

Рядом переминалась с ноги на ногу замерзшая Таня.

- Тебя, Танька, и Андрей любит, и Виталя... Тебе не понять. А меня никто...

- Майя с трудом разлепила губы, говорила медленно, смотрела стеклянными глазами в белое ватное небо.

- Глупая! Глупая! А сизые...сизые кишки на асфальте точно не полюбят!!! – Таня зарыдала, упала на колени и обняла Майю. Майя расплакалась тоже... Затряслась всем телом. У меня отнимались заледеневшие руки, разжимались и скользили по куртке Майи, я вцеплялся крепче и думал, что долго на морозе в рубашке не продержусь, спину, прижатую к кирпичной стене, уже не чувствовал.

Потом мы осторожно, как хрустального ангела, везли Майю домой. Я звонил её матери, объяснял, почему ей придется отпроситься с работы. Звонил в

школу, говорил, что приду только на четвёртый урок. Дома Майя покорно выпила успокоительное, испуганная мама уложила её в постель. Отпаивала нас с Таней чаем. Плакала, теребила кисточки на скатерти, рассказывала, какая Майя хорошая, послушная, спокойная... и ведь ничего же не предвещало... и ведь не отказывали ей ни в чём... как же так... На стене, прилепленные скотчем, висели детские рисунки – небо, солнышко, домики, деревья, радостные человечки с растопыренными пальцами – немудреное акварельное счастье. Цветы на подоконнике, чашки с именами: Майя, Матвей, Мария, Михаил – для гостей другие, тонкие, как лепестки роз; полосатые коврики на полу, смешная рыжая собачка, которая так обрадовалась нашему приходу. А могла бы больше никогда не увидеть свою хозяйку....

Я говорил про школьного психолога и кризисные центры, про теорию привязанности, про то, что подросткам детям по-прежнему нужны родительское одобрение, поддержка, любовь, соглашался, что Майя замечательная. Мама извинялась и уходила посмотреть, как там дочка – спит ли, дышит ли...

Когда мы спускались по лестнице, внутри меня будто росла огромная дыра – ни эмоций, ни усталости, ни холода, ни злости, ни тревоги – всё переработалось в энергию и улетело к Майе, осталась только пустота. Таня тоже передвигала ноги, будто шарнирная кукла – и лицо соответствующее – фарфоровое, куда только подевалась её живая мордашка. Девчонку тоже надо обязательно к психологам, а пока – похвалить:

- Тань, ты молодец, ты свою подругу спасла! Не растерялась, мне сообщила, про дом тётки вспомнила, так долго удерживала Майю на связи... Кстати, а чем ты её заинтересовала?

- Я ей написала, что Вы гей... - Таня посмотрела на меня – остолбеневшего с квадратными глазами - и вдруг захохотала на весь подъезд. На грани истерики. И я опомнился и заржал тоже. Мы гоготали до слёз на крошечной лестничной площадке между этажами. И недовольные старушки со скрипом крутили ручки дверей, чтобы посмотреть, что за беззаконие творится. Мы смеялись и не могли остановиться...

9. Чехов-стайл

Мяч крепко саданул о фанерный щит, замер на пару секунд на кольце и нехотя свалился в корзину. Смуглый гигант-десятиклассник,

придерживающий Не-апостола за майку, сплюнул в сердцах и разжал руку. Девчонки-болельщицы на низенькой лавочке завизжали и побежали обниматься с уставшими, но довольными игроками. 8 «А» только что выиграл школьный турнир по баскетболу. Не зря Андрей муштровал, натаскивал их после уроков, не слушая отговорок и причитаний. Иногда даже без мяча. «Кроссовер!» - ревел поправившийся Стрелок, дёргался в сторону и швырял злополучный рюкзак Михаила Анатольевича – «Бросок!». «Хрен тебе!» - Виталя выпрыгивал и ловил тяжёлый заменитель мяча налету: «Блин, Анатолич, ты туда костей мамонта напихал?». «Я к городской олимпиаде готовлюсь, идите нафиг с вашим баскетболом, - добродушно ворчал хозяин рюкзака, отнимая его у шустрого рэпера. – Там книжки, дебилы, мне Евгений Вячеславович дал». «Евгений Вячеславович... А мы специально баскетбол выбрали, потому что Вы никогда в него не играли!» - Андрей скалился белозубо и не обидно. Да, баскетбола и правда в моей судьбе не было – маленький рост не располагал.

И вот – они выиграла в финале у великого и ужасного 10 «Б». А Михаил Анатольевич занял первое место в олимпиаде по биологии. Это требовалось отметить. Мы предвкушали, как после уроков зависнем в пиццерии. Обсуждали в чате, кому, чего и сколько заказать, чтобы точно хватило. Я, сидя в учительской, прокручивал ленту новых сообщений и прикидывал примерную сумму...

- Жень, я слышала, ты собираешься со своими в кафе? – подошла ко мне директор. Узкие губы вытягиваются в презрительную кровавую нитку, на голове торчит пучок, как у воинственного самурая.

- Так точно. В смысле, ну да... Они молодцы, в баскетболе победили, - почему я должен оправдываться? М?

- Я обязана попытаться тебя уберечь от ещё одной педагогической ошибки. Но это бесполезно, я вижу. Молодые, - она сделала ледяной, уничижительный акцент на этом слове, - редко прислушиваются к советам старших.

- Отнюдь, я ценю опыт коллег, - мне не хотелось ни спорить, ни соглашаться с ней. Я встал, надеясь, что она истолкует это как окончание разговора. Поскорей бы она отвязалась от меня и ушла. Но директор, похоже, только начала меня воспитывать. Поэтому она тут же уселась на мой стул и продолжила:

- Ты же учитель. Оставь свои дешевые попытки втереться к ученикам в доверие, - все, кто был сейчас в учительской, активно начали переключать бумажки, шелестеть тетрадными листами, чтобы не заподозрили, что они слушают с шакальим интересом. – Во-первых, твой внешний вид – к чему эти дорогие и безвкусные рубашки? Во-вторых, развязная речь, ужасный молодежный сленг, от которого ты даже не пытаешься избавиться. Стоит вести себя с большим достоинством. В-третьих, глупая юношеская бравада и стремление всё решить через насильственные методы. Ты предлагал Павлу драться, узнав о том, что над ним издеваются. Не осудил драку Кирилла. Такой подход приводит к тому, что в тебя влюбляются малолетние пустышки из твоего класса и приходят на занятия накрашенные, как проститутки. Это очень и очень плохо. Помяни моё слово... В-четвертых, ты почему-то считаешь, что положительная динамика успеваемости – не главное. Между тем, это основное, к чему ты должен стремиться, это показатель успешности твоей работы. А успеваемость падает. Родители беспокоятся, жалуются... Этого вполне достаточно, чтобы признать, что рабочий союз у нас с тобой не сложился. Но на педсовете отнеслись с пониманием к молодому специалисту и решили дать тебе последний шанс. Исправляйся, срочно исправляйся, Евгений Вячеславович. И уж в кафе с ними тебе точно не стоит идти. Покупать авторитет за пироги – низко.

- Я не собирался авторитет покупать. Только пиццу..., - хотел пошутить, но глянул в острые пики значков, чуть поклонился уважительно и сбежал. – Покорнейше прошу простить, мне пора.

Пока дымилась пицца, тянулись нескончаемые сырные нитки, не желали быть разрезанными розовые кусочки колбасы, а ребята дружно набивали рты – я размешивал чай, в котором не было сахара, и думал о том, что кто-то из класса сливает информацию, а ещё – о роковых, по словам директора, влюблённостях. Кроме Майи, ничего такого... Надо будет присмотреться.

Тут и урок выдался соответствующий, про репродуктивную систему человека... Восьмой класс. Анатомия, куда деваться... И я, конечно, без страха и упрека отправился его проводить. Рассказывал, листал слайды, скользил взглядом от головы к голове. Кто-то краснел, кто-то улыбался ехидно.

- Евгений Вячеславович, а вы покажете на практике, что и куда вставлять? – Не-апостол паялился невинно.

- Сами разберетесь в случае необходимости. Это как интерфейс – интуитивно-понятно, - отчеканил без запинки, как и положено. Похихикали и дальше едем. Но взгляды у девчонок какие-то слишком томные, а юбки – короткие. И к доске некоторые выходят манерно, будто по подиуму идут. На перемене, бывает, подходят, запахом духов обдают и жалуются, что вот прямо совсем-совсем биологию не понимают... И в сообщениях пишут ерунду всякую. Я ж не вчитывался, а если под другим углом посмотреть и иначе истолковать...

Вероника часто сразу домой не идёт, ошивается у школы, ждёт, пока я выйду. Даже в выходные несколько раз с ней встречался, когда с дочкой в парке гулял – шла себе такая, как королева, без шапки – правда что ли шпионит. Ещё просила подбросить до дома однажды, сказала, что опаздывает куда-то. Стеша... даже она умоляла растолковать ей после уроков непонятные места в теме ... Блин, там же всё элементарно было. А Соне вообще на моем уроке плохо стало, пришлось её на руках в медицинский кабинет нести... То ещё зрелище, небось, было.

Что-то я загнал себя совсем, забрался далеко червяк директорской мысли. Нельзя так, теперь уже не в девчонках проблема, а во мне. И надо это как-то разгладить.

Вечером решил расспросить на этот счёт жену. Купил лоток фисташкового мороженого, чтобы задобрить, мяса с картошкой на ужин потушил, всё, как она любит. А когда Леночка села кремом на ночь обмазываться, тут и пристал к ней, никуда ей в креме от меня не деться, надо, чтобы впитался. В таком состоянии она беззащитна. Беззащитнее только, когда ногти лаком покрасит.

- Слушай, Жека, - Леночка решала такие вопросы легко и непринужденно. – Я бы тоже в тебя на их месте втрескалась по уши. Взрослый, симпатичный, простой, веселый и главное – опытный и женатый. Ты дистанцию с ними не держишь. И кажешься почти ровесником. В зеркало-то глянь. Надо их шокировать чем-нибудь и показать, что ты не мальчик, а серьезный, скучный мужик.

И я начал отращивать бороду и усы. Уставом школы не возбранялось и +100 к солидности прибавляло. Когда они пришли после весенних каникул, я встретил их чеховской учтивой улыбкой.

- Вы чего это, Евгений Вячеславович? - пробормотала озадаченная Таня.

- Да вот, примета у меня такая. Загадал желание. Пока не сбудется – не бреюсь.

- И что за желание? Важное?

- А как же! Чтобы вы переводной экзамен все хорошо сдали. А то успеваемость не радует.

Они были в шоке, будто никогда не видели мужика с бородой. И юбки сразу стали длиннее, исчезли высокие каблучки и покрашенные маминой косметикой лица. Поймал себя на мысли что исчезли и острые, бульварные словечки – не говорю их сам и от пацанов не слышу. Чехов-стайл обязывал. Градус уважения и приличия возрос. Класс стал спокойнее и деликатнее. Даже Влад жеманно распахивал перед девочками двери и накручивал какие-то гротескные мушкетерские поклоны – только шляпы с пером не хватало. Поэтому я расслабился и решил, что грозы не будет.

На родительское собрание пришёл собранный и уверенный в себе. Родителей беспокоила успеваемость.

- Переводные экзамены... Переводные экзамены... Экзамены переводные, - словосочетание шуршало из всех углов паучьими лапками. И я торжественно предъявил сине-красную диаграмму успеваемости:

- В среднем показатели выросли. Павел, Вениамин и Майя значительно подтянулись. Михаил добился отличных результатов по всем предметам, - о том, что почти все хорошисты нахватили троек, я предпочел не говорить.

- Я разочарована, - томно заметила полная дама с ниткой жемчуга на шее, - школа не справляется со своей задачей. Вы должны давать знания. А у Андрея одни тройки...

- Мой тоже скатился, - подхватила её соседка. – Евгений Вячеславович заявляет им, что оценки – не главное! А им экзамены сдавать!

- Оценки не всегда адекватны полученным знаниям, - я решил не сдаваться, - Гонка за хорошими оценками создает дополнительный стресс, а в стрессе новые знания усваиваются плохо. Я уверен, что экзамены все ребята выдержат достойно. Вы можете им помочь, если перестанете нагнетать обстановку, дадите им возможность отвлечься...

- Да уж куда дальше отвлекаться! – возмутились на передней парте. – У них в голове вовсе не знания, а концерты, баскетбол, социальные сети...

- А у мальчиков – драки и кафешки. Это чудовишно – подстрекать к насилию и покупать авторитет в кафе! – нарастал ропот.

- Знаем-знаем, что у них в голове, благодаря Евгению Вячеславовичу. Особенно у девочек, - ехидно прошипели с галёрки. И с потолка упала тишина. Слышно стало, как шумят лампы. Я пошёл по рядам, раздавая всем по четверти тетрадного листа:

- Если у вас есть претензии ко мне, вопросы, предложения, напишите, пожалуйста. Можно анонимно...

Ни один листок в конце собрания не вернулся ко мне.

Когда меня вызвала директор, я приготовился защищаться тем же хитрым графиком успеваемости. Но он не понадобился. Директриса отражалась в зеркальной черноте стола, которая делила её пополам и превращала в червовую даму. Пахло чем-то мускусным, тревожным.

- Полюбуйся! - она швырнула мне пачку распечатанных на цветном принтере картинок. Листки разлетелись веером. Я смотрел и узнавал. Вот мы сидим с Майей в пустом классе, снимок со спины, от двери, с этого ракурса кажется, что девочка у меня на коленях. Мы говорили про английский, и кто-то тогда заглянул... Вот я придерживаю дверцу машины, а Вероника в мини-юбке садится, откидывает волосы назад, смотрит снизу вверх. Вот несу на руках по школьному коридору Соню, и моя рука как-то совсем неприлично вцепляется в голое бедро. Тогда ей стало плохо, и я даже не думал... Вот Таня в образе Красной Шапочки, а я поправляю неловко загнутый уголок её головного убора. Вот на меня напрыгивает и обнимает импульсивная Стеша, радуется победе наших мальчишек... Кто-то из ребят это всё снимал на телефон и отправил директору.

- Я полагаю, что история с попыткой самоубийства Майи Недовой требует дополнительного расследования, - её голос звучит, как из бездонной бочки.

- С ней работают профессионалы, мне кажется, что приносить это всё в школу и снова её тревожить – нецелесообразно, - мой голос тоже будто сквозь вату. В голове стучит кровь, давит на уши.

- Вон из школы!!! – визжит директор, - завтра чтобы заявление написал! Дочитаешь свои программы и с июня больше у нас не работаешь! Бородища у него, глядите, как из барбершопа, прости, Господи! Педофильных скандалов нам только не хватало! Проверка придет, прокуратура,

журналисты, истерящие родители... Вон! Вон! Я тебя идиота предупреждала! Предупреждала!

«Отрубить ему голову! Голову отрубить!»

Малопиксельные изображения, плохая камера... Паша. Я вспомнил зажатый в его руке кнопочный кирпич.

Леночка ждала меня у ворот дома, нервно переступала с ноги на ногу, отколупывала от гаражной двери ошметки краски:

- Поехали мне новый смартфон покупать.

- Эм? А старый?

- Я его разбила. В стенку кинула... Мне какая-то мамаша твоей ученицы сообщение накатала, что ты её дочку совращаешь... Жека, увольняйся оттуда срочно! Деньги смешные, нервов много, автомастерская ещё эта... И ты... На кого ты стал похож... Зарос, как дядюшка Ау. Ночами не спишь, - она обняла меня, уткнулась носом в шею и засопела. Её светлые волосы пахли летом, морем, фруктами, щекотали несмело и доверчиво. Буря внутри меня успокоилась, стало понятно, что самое дорогое – со мной, а всё остальное – переживём. Поэтому я кивнул и сказал:

- Угу, поехали, конечно. Ты опять читаешь мои мысли. Отработаю до июня и уйду. Уже и заявление написал. Мне осталось сделать главное – посадить с ними деревья.

10. Будущее хочет любить.

Это был день самоподготовки перед экзаменом. Я не думал, что их придёт так много. Но пришли все. Стояли и шурились на майском солнышке. В кедах, узких штанах, ярких толстовках и пёстрых кепках. Почёсывали голые лодыжки – в мае свирепствуют комары. Особенно здесь, у воды. Зеленхоз выделил мне место для посадок – поляну в старом парке, здесь река делала изгиб. Трава просвечивала изумрудно-бирюзовым. Не-апостол улёгся в неё и стал смотреть, как лисохвост и тимофеевка пронзают тёплое небо:

- Хорошо, что вы нас вытащили. Предки задолбали с подготовкой.

- Суматошно пытаться впихнуть в голову всё подряд – не самый лучший вариант. Лучше расслабиться и дать мозгу отдохнуть, тогда завтра он будет работать намного эффективнее, - пояснил я.

- Кхы! Я шпоры уже написал, - вызывающе заявил Влад.

- И правильно. Пишите, ребята, шпоры. Воспользуетесь или нет – не известно, - я хихикнул, - но материал структурируется и запомнится.

Пока мы со Стрелком и Виталей ходили к машине за саженцами, остальные пацаны начали копать ямки в отмеченных колышками местах. Девочки принесли пару леек и ведро – поливать. Потом сидели над разложенными на плёнке деревьями, перебирали тонкие стволы и расспрашивали:

- А это яблоня или вишня? Каштан? А это что? Или правильнее - кто?

- Я вот этот посажу!

- А о чём думать надо?

- И как правильно думать, чтобы исполнилось?

- Ну, Евгений Вячеславович, что вы смеётесь-то... Сами же говорили...

- Думайте о хорошем. О самом важном. Для вас и для всех. Как бы вам хотелось, чтобы сложилась ваша жизнь? – я улыбался от уха до уха и не успевал отвечать.

- Я уеду в Крым. Куплю там себе дом с бассейном и видом на море, яхту. Замучу бизнес и адреналина ради буду иногда участвовать в регатах, - мечтал Влад, яростно втыкая лопату в землю, будто старался прямо сейчас выкопать оттуда свою мечту.

- Я пробьюсь в Сколково, - загадывал Михаил Анатольевич и таскал воду из реки. Десятилитровая лейка и ведро пригибали к земле, вода выплескивалась и заливала его кеды.

- Я буду кино снимать. А может, писать сценарии... - фантазировал Андрей, аккуратно затрамбовывая землю вокруг молодого деревца.

- А мне бы велик-вмх трюковой и побольше часов в сутках, вот я тогда заживу! – шурился Виталя, перевернувший кепку козырьком назад.

- Хочу канал раскрутить, чтобы поддерживать девушек в сложной ситуации. И публиковать в паблике статьи о психологическом насилии, - Стеша ласково обнимала прижавшуюся к ней Майю.

- Хотел на Донбасс воевать добровольцем, а теперь не тянет. Буду деревья в питомнике выращивать и сажать. Во имя мира, - пробасил Стрелок, - расскажете, Евгений Вячеславович, как там и что...

- Врешь ведь опять, Кирилл? – уточнил я. Он покачал головой и улыбнулся уголком рта:

- БХЛ: будущее хочет любить.

По всей поляне мы протоптали тропинки в высокой траве – от колышка, к колышку, от деревца, к деревцу. А в центре – широкий круг, куда мы все уселись пить чай из термосов, жевать печенье и бутерброды. Макушки и зелёные ладошки листьев махали нам из травы, перекидывали друг другу солнечные блики, будто мяч. Эти блики светились вокруг голов ребят, похожие на нимбы.

- А вы что загадали? – поинтересовалась Таня

- Чтобы мы все: и деревья, и люди были счастливы. Счастье все понимают по-своему, но ни с чем не спутают. И, конечно, чтобы вы хорошо экзамен сдали, черти, - я поскрёб колючий подбородок и упал в траву. Солнечный день ласково качал нас на руках. Наш последний день. Ребята не знали, что я уже уволился. Никто из нас не знал, что будет дальше. Мы верили в лучшее, мечтали и смеялись. А деревья смотрели нам в души и любили нас. Просто так.